***Мартинович Г. А.* От А. С. Шишкова к Е. Н. Ширяеву** / Г. А. Мартинович // Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве: сб. трудов междунар. науч. конф. Тверь, 2–3 ноября 2010 г. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2010. С. 23–28. (Родная словесность в школе и вузе. Вып. 1 (7)).

И устарела старина,
И старым бредит новизна.
А. С. Пушкин

Уже в самом раннем периоде становления современного русского литературного языка (понимаемого в широком смысле — «от А. С. Пушкина до наших дней») в среде любителей русской словесности разгорелась горячая полемика, не прекращающаяся и по сей день (!), о качестве, статусе и судьбе русского языка. Одним из зачинателей и активных участников этой полемики, как хорошо известно, был выпускник Морского кадетского корпуса (впоследствии государственный секретарь, член Государственного совета, член и президент Российской Академии, министр народного просвещения) Александр Семенович Шишков (1754– 1841), издавший, будучи отставным адмиралом, в 1803 г. книгу «Рассуждения о старом и новом слоге российского языка», направленную против Н. М. Карамзина и его последователей.

Ниже приводим наиболее, на наш взгляд, показательные и актуальные до настоящего времени выдержки из этой книги с некоторыми попутными замечаниями.

«Всяк, кто любит российскую словесность и хотя несколько упражнялся в оной, не будучи заражен неисцелимою и лишающую всякого рассудка (! — *Г. М.*) страстию к французскому языку, тот, развернув большую часть нынешних наших книг, с сожалением увидит, какой странный и чуждый понятию и слуху нашему слог господствует в оных. Древний славенский язык, повелитель многих народов, есть корень и начало российского языка, который сам собою всегда изобилен был и богат, но еще более процвел и обогатился красотами, заим-

ствованными от сродного ему эллинского языка, на коем витийствовали гремящие Гомеры, Пиндары, Демосфены, а потом Златоусты, Дамаскины и многие другие христианские проповедники. Кто бы подумал, что мы, оставя сие многими веками утвержденное основание языка своего, начали вновь созидать оный на скудном основании французского языка?»[1]

«…Нелепицу нынешнего слога называет он приятностию! совершенное безобразие и порчу оного образованием… ненавидеть свое (это о Н. М. Карамзине — будущем авторе «Истории государства Российского»! — *Г. М.*) и любить чужое почитается ныне достоинством»[2].

«Начало оного происходит от образа воспитания: ибо какое знание можем мы иметь в природном языке своем, когда дети знатнейших бояр и дворян наших от самых юных ногтей своих находятся на руках у французов, прилепляются к их нравам, научаются презирать свои обычаи, нечувствительно получают весь образ мыслей их и понятий, говорят языком их свободнее, нежели своим…»[3]

А вот и ответ — великолепный образец с п о к о й н о г о, в меру иронического отношения к явлениям подобного рода:

Татьяна (русская душою,
Сама не зная почему)
С ее холодною красою
Любила русскую зиму…

Татьяна верила преданьям
Простонародной старины…

---

[1] *Критика* первой четверти XIX века. М.: АСТ, 2002. С. 24.

[2] Там же. С. 25. – Н. М. Карамзин писал: «Слова не изобретаются академиями: они рождаются вместе с мыслями или в употреблении языка, или в произведениях таланта, как счастливое вдохновение. Сии новые, мыслию одушевленные слова входят в язык самовластно, украшают, обогащают его, без всякого ученого законодательства с нашей стороны: мы не даем, а принимаем их. Самые правила языка не изобретаются, а в нем уже существуют: надо только открыть или показать оные» (Там же. С. 343).

[3] Там же. С. 25–26.

(1826)

Еще предвижу затрудненья:
Родной земли спасая честь,
Я должен буду, без сомненья,
Письмо Татьяны перевесть.
Она по-русски плохо знала,
Журналов наших не читала
И выражалася с трудом
На языке своем родном,
Итак, ***писала по-французски…***
Что делать! повторяю вновь:
Доныне дамская любовь
Не изъяснялася по-русски,
Доныне гордый наш язык
К почтовой прозе не привык.

Я знаю: ***дам хотят заставить***
Читать по-русски. Право страх!
Могу ли их себе представить
С «Благонамеренным» в руках!
Я шлюсь на вас, ***мои поэты;***
Не правда ль: ***милые предметы,***
Которым, за свои грехи,
Писали втайне вы стихи,
Которым сердце посвящали,
Не все ли, русским языком
Владея слабо и с трудом,
Его так мило искажали,
И в их устах язык чужой

Не обратился ли в родной?

Не дай мне Бог сойтись на бале
Иль при разъезде на крыльце
С семинаристом в желтой шале
Иль с академиком в чепце!

(Ю. М. Лотман пишет: «По свидетельству Вяземского, в одной из редакций было: „Иль у Шишкова не крыльце“»[4])

Как уст румяных без улыбки,
Без грамматической ошибки
Я русской речи не люблю.
Быть может, ***на беду мою,***
Красавиц новых поколенье,
Журналов вняв молящий глас,
К грамматике приучит нас;
Стихи введут в употребленье;
Но я… Какое дело мне?
Я верен буду старине.
Неправильный, небрежный лепет,
Неточный выговор речей
По-прежнему сердечный трепет
Произведут в груди моей;
Раскаяться во мне нет силы,
Мне г а л л и ц и з м ы будут милы,
Как прошлой юности грехи,
Как Богдановича стихи.

---

[4] *Лотман Ю. М.* Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: комментарий: пособие для учителя. Л.: Просвещение, 1983. С. 225.

(1824–1826)

Ей рано нравились романы;

Они ей заменяли всё;

Она влюблялася в обманы

И Ричардсона и Руссо.

И(!!):

Простите мне: я так люблю

Татьяну милую мою!

(1823)

Все тихо, просто было в ней,

Она казалась верный снимок

*Du comme il faut… **(Шишков, прости:***

Не знаю, как перевести.)

Никто бы в ней найти не мог

Того, что модой самовластной

В высоком лондонском кругу

*Зовется vulgar. **(Не могу…***

Люблю я очень это слово,

Но не могу перевести;

Оно у нас покамест ново,

И вряд ли быть ему в чести. *(!)*

Оно б годилось в эпиграмме…)

(1829–1830)

Но тут и А. С. Пушкин не предугадал.

«Вопрос, чья проза лучшая в нашей литературе? Ответ — *Карамзина.* Это еще похвала не большая — скажем несколько слов об сем почтенн<ом>».

«Грамматика не предписывает законы языку, но изъясняет и утверждает его обычаи».

«Не должно мешать свободе нашего богатого и прекрасного языка».

А. С. Пушкин

Комментарии, как говорится, излишни.

«Для познания богатства, изобилия, силы и красоты языка своего нужно читать изданные на оном книги, а наипаче превосходными писателями сочиненные: из них научаемся мы… красноречивому смешению славенского великого слога с простым российским, свойственным языку нашему изгибам и оборотам речей; складному или не складному расположению их; краткости выражений; ясности и важности смысла; плавности, быстроте и силе словотечения. Между тем как разум наш обогащается сими познаниями, слух наш привыкает к чистому выговору слов, к приятному произношению оных, к чувствованию согласного или не согласного слияния букв, и одним словом, ко всем сладкоречия прелестям»[5].

Ср. у Пушкина: «Вслушивайтесь в простонародное наречие, молодые писатели — вы в нем можете научиться многому, чего не найдете в наших журналах... Изучение старинных песен, сказок и т. п. необходимо для совершенного знания свойств русского языка. Критики наши напрасно ими презирают»[6].

«Сверх сей ненависти (?? — *Г. М.*) к природному языку своему и любви к французскому есть еще другая причина, побуждающая новомодных писателей наших точно таким же образом и в словесности подражать им, как в нарядах. Я уже сказал:, что трудно достигнуть до такого в языке познания, какое имел, на-

---

[5] *Критика* первой четверти XIX века. С. 26.

[6] *Пушкин А. С.* <О «Евгении Онегине и критиках романа> // *Русская* литература XIX в.: хрестоматия критич. матер. / сост. М. Г. Зельдович, Л. Я. Лившиц. 4-е изд. М.: Высш. школа, 1975. С. 155–156.

пример, Ломоносов: надлежит с таким же вниманием и такую же груду русских и еще церковных книг прочитать, какую он прочитал, дабы уметь высокий славенский слог с просторечивым российским так искусно смешивать, чтобы высокопарность одного из них приятно обнималась с простотою другого. Надлежит долговременным искусом и трудом такое же приобрести знание и силу в языке, какие он имел, дабы уметь в высоком слоге помещать низкие мысли и слова, таковые, например, как: *рыкать, рыгать,* ***тащить за волосы****, подгнет, удалая голова* и тому подобные, не унижая ими слог и сохраняя всю важность оного»[7].

В подтверждение сказанного приводится пример из Ломоносова:

Презрев Царицыных и власть и святость рук, *Бесчестно* ***за власы влекут*** *на горесть мук.*

(*Тащат за волосы — за власы влекут!!* Это, кстати, далеко не одно и то же.)

«Избегая сего труда, принимаются они за самый легкий способ, а именно: одни из них безобразят (?!! — *Г. М.*) язык свой введением в него иностранных слов, таковых, например, как: *моральный, эстетический, эпоха, сцена, гармония, акция, энтузиазм, катастрофа* и тому подобные. Другие из русских слов стараются делать не русские, как, например: вместо будущее время говорят *будущность*, вместо настоящее время — *настоящность* и проч. Третьи французские имена, глаголы и целые речения переводят из слова в слово на русский язык (калькирование — *Г. М.*), самопроизвольно принимают их в том же смысле из французской литературы в российскую словесность… Например: *influence* переводят *влияние* и, несмотря на то что глагол *вливать* требует предлога *в*… располагают нововыдуманное слово сие по французской грамматике, ставя его по свойству их языка, с предлогом *на*: *faire l'influence sur l'esprits, делать влияние на разумы.* Подобным сему образом переведены слова: *переворот, разви-*

---

[7] *Критика* первой четверти XIX века. С. 29–30.

тие, утончанный (утонченный. — *Г. М.*), *сосредоточить,* ***трогательно****, занимательно* и множество других»[8].

А. С. Пушкин в черновике письма к Н. И. Гнедичу от 29 апреля 1822 г. перебирает варианты:

«Черкешенка моя мне мила, любовь ее [меня **трогает**] **трогает** душу…»[9]

В книге «Русская речь. Вчера. Сегодня. Завтра» В. В. Колесова содержится следующее наблюдение: «Уже в 20-е годы XX века известный тогда критик А. Г. Горнфельд писал: „Когда перевалишь далеко за середину жизненной дороги, нелегко миришься с новшествами, необходимость которых кажется сомнительной и даже, например, слово *выявлять*, появившееся в начале нового века, до сих пор неприемлемо для моего словаря. ...Оно было и остается несерьезным, оно запечатлено умничающей позой, ложным притязанием на глубину, погоней за модой…“. (Как это похоже на многие окрики современного ревнителя „нормы“, когда возражает он против нового слова!) Однако вот и конец цитаты: „но из этого нашего ощущения ничего не воспоследует: слово прижилось, и останется, и облагородится давностью“. И *облагородится давностью* — в этом все дело; можно добавить только: если в слове сохранится нужда»[10].

Прошедшие двести лет убедительно доказали, что нужда во всех словах, указанных А. С. Шишковым (как и во множестве других заимствований XIX в.), сохранилась и практически в с е они у с п е ш н о вошли в русский язык и, «облагородившись давностью», обогатили и приумножили его словарный запас. Ср. также: *влиять — повлиять на… влияние на… оказывать влияние на…* и т. п. — совершенно нормативные конструкции (несмотря на все грамматически

---

[8] Там же. С. 32–33.

[9] *Русская* литература XIX в.: хрестоматия критич. матер. / сост. М. Г. Зельдович, Л. Я. Лившиц. 4-е изд. М.: Высш. школа, 1975. С. 118. – В романе «Евгений Онегин» А. С. Пушкин употребляет глагол *трогать* шесть раз. Напомним, к примеру, всем хорошо известное: «Но, получив посланье Тани, Онегин живо *тронут* был».

[10] *Колесов В. В*. Русская речь: вчера, сегодня, завтра. СПб.: Юна, 1998. С. 99.

«верные» рассуждения А. С. Шишкова). Модель же образования абстрактных существительных с помощью суффикса *-ост*’ в современном русском литературном языке весьма продуктивна.

В 20-е годы XX в. В. И. Ленин пишет заметку «Об очистке русского языка (размышления на досуге, т. е. при слушании речей на собраниях)». Приведем ее содержание полностью:

«Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без надобности. Употребляем их неправильно. К чему говорить „дефекты“, когда можно сказать недочеты или недостатки или пробелы?

Конечно, когда человек, недавно научившийся читать вообще и особенно читать газеты, принимается усердно читать их, он невольно усваивает газетные обороты речи. Именно газетный язык у нас, однако, тоже начинает портиться. Если недавно научившемуся читать простительно употреблять, как новинку, иностранные слова, то литераторам простить этого нельзя. Не пора ли нам объявить войну употреблению иностранных слов без надобности?

Сознаюсь, что если меня употребление иностранных слов без надобности озлобляет (ибо это затрудняет наше влияние на массу), то некоторые ошибки пишущих в газетах совсем уже могут вывести из себя. Например, употребляют слово „будировать“ в смысле возбуждать, тормошить, будить. Но французское слово «bouder» (будэ) значит сердиться, дуться. Поэтому будировать значит на самом деле „сердиться“, „дуться“. Перенимать французско-нижегородское словоупотребление значит перенимать худшее от худших представителей русского помещичьего класса, который по-французски учился, но во-первых, не доучился, а во-вторых, коверкал русский язык.

Не пора ли объявить войну коверканью русского языка?» (написано в 1919 или 1920 г.)[11].

В. И. Ленин, притягивая (как всегда) и здесь всё так или иначе к проблемам классовой борьбы, хотя и ставит вопрос об объявлении в о й н ы употреб-

---

[11] *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений: в 55 т. 5-е изд. М.: Изд-во полит. лит., 1969. Т. 40. С. 49.

лению иностранных слов, однако делает это уже с показательным уточнением — войны употреблению иностранных слов «без надобности».

И всё же. Война войной, а *дефекты* вместе с *недочетами, недостатками, пробелами*, а также *изъянами, пороками, несовершенствами, минусами… (разг.)*[12] и по сей день продолжают успешно употребляться каждое на своем месте. Какой богатый выбор! В этом, в частности, и сила, и богатство, и величие, и могущество русского языка.

Зато вопрос об объявлении войны «коверканью» русского языка ставится уже бескомпромиссно.

См, однако, академический (!) БТС[13]:

«Будировать, -рую, -руешь; *нсв.* **1.** *Устар. без дополн.* Демонстративно не замечать кого-л., подчёркивая своё недовольство кем-, чем-л.; дуться, сердиться. *Дамочка будирует.* **2. *что. Разг. Возбуждать, тормошить. Б. вопрос о ремонте дороги*** (неправильное употребление глагола „будировать“ в смысле „возбуждать“ есть результат контаминации французского глагола «bouder» — сердиться, дуться и русского глагола „будить“)».

Показательно, что второе значение, которое «совсем выводило из себя» В, И. Ленина и к войне с которым он так настойчиво призывал, дается в словаре лишь с пометой «разговорное» (без каких бы то ни было запретительных помет!), правда с пояснением истоков его «ошибочного» употребления.

Ср., например, там же:

«Довлеть, -еет; *нсв. Кому-чему.* **1.** *Устар. Книжн.* Быть достаточным, удовлетворять. *Созданный им мир довлел только ему одному.* **2. *над кем (чем). Разг.*** **Господствовать, тяготеть над кем, чем-л.** *Прошлое довлело над моей жизнью. Привычка следовать типовым проектам довлела над инженерами…*».

На основе ассоциации формы *довлеть* (в произношении [давл’э́т’]) и содержания ‘*давить, давлю’* и т. д.

---

[12] *Словарь* синонимов / под ред. А. П. Евгеньевой. Л.: Наука, 1976.

[13] *Большой* толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1988.

В данном случае авторы словаря сочли достаточным ограничиться лишь пометой «разговорное» без каких-либо дополнительных комментариев.

Однако пуристские настроения весьма живучи. В подтверждение этого приведем пример «инновационного» варианта исследования отношения к заимствованным словам и делаемые на основе результатов этого исследования выводы.

В отделе культуры русской речи Института русского языка РАН под руководством Е. Н. Ширяева была проведена экспертная оценка некоторых заимствованных слов. Статус экспертов: 1-й — специалист, 2-й — консерватор, 3-й — нейтрал, 4-й — демократ. Шкала оценок: 1) безусловно допустимо, 2) скорее допустимо, 3) скорее недопустимо, 4) безусловно недопустимо, 5) не знаю. Диапазон оценок от –5 через 0 до + 5.

«Приведем данные нашей комиссии по двум сравнительно недавним заимствованиям: *маркетинг* и широко распространенному в современной политической публицистике *саммит* (встреча в верхах). *Маркетинг:* специалист: +3; консерватор: +4; нейтрал +2; демократ +2; итого +11. *Саммит* (соответственно): –4, –2, –2, 0, итого: –8.

Не составляет труда интерпретировать полученные результаты: один из ключевых терминов рыночной экономики, *маркетинг*, не имеет удачного русского эквивалента; у слова же *саммит* нет никаких преимуществ перед выражением *встреча в верхах*: будучи весьма ярким образным словом в английском, где первое основное значение этого слова ‘пик, вершина’, в русском это слов абсолютно „безлико“, и потому русскому языку оно не нужно»[14].

Прошло несколько лет, и «ненужное» слово стало нужным и весьма употребительным в публицистическом стиле. Более того, в последние годы происходит постепенное расширение его значения. Так, можно иногда услышать выражения типа *саммит руководителей, саммит ученых* и т. п. Прогноз, таким образом, оказался пустым прогнозом.

---

[14] *Ширяев Е. Н.* Культура речи как особая теоретическая дисциплина // Культура русской речи и эффективность общения. М.: Наука, 1996. С. 21–22.

Несомненно, между синонимическими наименованиями (в данном случае практически дублетами: *встреча в верхах — саммит* и т. п.) происходит постоянное соперничество, конкретный результат которого, мы, к сожалению, предсказать не можем; в частности, не можем предсказать и д а л ь н е й ш у ю судьбу слова *саммит*. Этот результат зависит от весьма большого количества как собственно лингвистических, так и экстралингвистических факторов и определяется ведущими в развитии языка статистическими (вероятностными) законами, предполагающими, в отличие от динамических законов, возможность нескольких решений и реальность осуществления каждого из них только с той или иной степенью вероятности. Именно этим прежде всего и определяются значительные трудности и ненадежность прогнозирования (даже на основе самых изощренных экспертиз) конкретных языковых изменений и возможность установления лишь о б щ и х д и н а м и ч е с к и х т е н д е н ц и й развития языка (тенденции к аналитизму, экономии, аналогии, системности, выравниванию парадигм и т. д.).

Хорошо известно, что по своему характеру развитие языка представляет собою эволюционное развитие. Следовательно, оно подчиняется всем общим закономерностям эволюции в их частной (собственно языковой) форме проявления[15]. Поэтому имеются все основания утверждать, что становление той или иной лексической нормы осуществляется в результате е с т е с т в е н н о й конкурентной борьбы между сосуществующими в языке (и «соупотребляющимися» в речи) наименованиями (литературными и нелитературными, старыми и новыми, исконными и заимствованными и т. д.), их самоотбора и самоутверждения, то есть главным образом в результате с а м о р е г у л я ц и и и с а м о н а с т р а и в а н и я самой языковой системы. Сказанное, конечно, не отрицает «селекционной» деятельности литераторов-профессионалов («мастеров») и кодифицирующей деятельности лингвистов-профессионалов, отражающих в научных исследованиях, а также в различных словарях, справочни-

[15] *Мартинович Г. А*. К проблеме эволюции языка // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. 2. История, языкознание, литературоведение. 1992. Вып. 2. С. 22–31; *Мартинович Г. А*. Лингвистические этюды. СПб.: Образование, 1992. С. 27–41.

ках, учебниках, пособиях и т. п. результаты объективных и беспристрастных наблюдений и обобщений происходящих в языке изменений. Вопрос лишь в том, кто, что и как отбирает и «выращивает» (культивирует) или кодифицирует. Но это предмет отдельного разговора.